

5. Белоцерковская И.В., Ахмедов И.Р. О кошибеевской культуре // Российская археология. – 1996. – С. 192-199.
6. Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I-V вв. н.э.). – Ижевск, 2014.
7. Полесских М.Р. Ранние могильники древней мордовы в Пензенской области // Советская археология. – 1959. – № 4. – С. 202-211.
8. Белоцерковская И.В. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9. – М., 2007 – С. 186-212.
9. Вихляев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. – Саранск, 1977.

УДК 93/908

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ В XIV-XV ВВ. ГОРОДА ОРЕХОВЦА НА РЕКЕ ОКЕ TO THE QUESTION OF EXISTENCE IN THE XIV-XV-TH CENTURIES THE CITY OREKHOVETS ON THE OKA RIVER

Ю.В. Сочнев

Y.V. Sochnev

Нижегородский филиал Высшей школы экономики
(НИУ ВШЭ – Нижний Новгород),
факультет права, кафедра теории и истории права и государства,
кандидат исторических наук, доцент
603155, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород,
ул. Большая Печерская, д. 25/12
E-mail: Sochnev.jobmail@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются не попадавшие в поле зрения историков сведения источников о неизвестном ранее русском городе Ореховце. Выясняется обоснованность предположений о его местонахождении на Окско-Клязьменском торговом пути.

Ключевые слова: историческая география, Нижегородское княжество, окский путь, русские города.

Summary: The article analyzes not come into the view of historians of information sources on a previously unknown Russian city Orikhovets'. It turns out the validity of the assumptions about his whereabouts on the Oka-Klyazma trade routes.

Key words: historical geography, Principality of Nizhny Novgorod, Okskiy way, Russian cities.

Тематика данной статьи определилась для автора в целом случайно, когда он, занимаясь изучением летописных сообщений по проблеме «Старого» и «Меньшого» Нижнего Новгорода в XV веке, натолкнулся на упоминание в Ермолинской летописи неизвестного Ореховца. Авторитетный московский исследователь В.А. Кучкин, комментируя данное сообщение, уверенно кон-

статировал: «Города с таким названием на востоке Русского государства в XV в. не было» [1 с. 37]. Поначалу все казалось понятным и убедительным, но вскоре в актах, фиксирующих вклады в суздальский Спасо-Ефимьевский монастырь, вновь встретилось название Ореховец. Возникли вопросы, которые подтолкнули к тому, чтобы разобраться в этой неясной ситуации, тем более что ее разрешение может повлиять и на результаты ряда других исследований как источникovedческого, так и конкретно-исторического характера.

Итак, исходным является сообщение Ермолинской летописи о нападении в 1445 г. отрядов ордынского хана Улуг-Мухаммеда, одного из будущих основателей Казанского ханства, на земли Владимирского и Московского княжеств и боевых действиях против них дружин великого князя Василия Васильевича (Василия II Темного). В силу значимости, приведем его полностью: «Царь прииде къ Мурому оть Новагорода оть Нижняго, и князь великии поиде противу ему къ Володимеру и посла на него воеводы, они же шедше и побиша татаръ подъ Муромомъ. Тогда же убииша Александра Иванова сына Костянинаовича въ Гороховце под Ореховцемъ, въ Новегороде Нижнемъ, а въ Новомъ затворишаася воеводы князя великого князь Феодоръ Давидовичъ да панъ Юшко Драница» [2, т. XXIII, с. 151].

Для предмета нашего изучения не важны конкретные факты военно-политической борьбы русского и ордынского правителей, а вот историко-географический контекст летописного сообщения, в котором упоминается неизвестный до этого русский населенный пункт, имеет значение. Отряды татар пришли из Нижнего Новгорода, очевидно, двигаясь по дороге вдоль правого берега Оки, и заняли г. Муром, что вызвало выступление против них московских войск. Отметим, что воеводы великого князя Василия Васильевича разбили татар под Муромом. Дорога туда из Владимира в XV веке шла вдоль реки Клязьмы через ряд небольших русских городков, в том числе и Гороховец, который также фигурирует в летописном сообщении. Однако его упоминание вместе с Ореховцем первоначально, особенно в сравнении данного сюжета с сообщениями других летописей, не совсем ясно. Хотя понятно, что гибель одного из воевод великого князя Василия II в бою с татарами «под Ореховцем» произошла где-то вблизи этого русского городка на Клязьме. Исходя из направления движения великокняжеских дружин, можно заключить, что интересующий нас Ореховец, по-видимому, также находился на пути, ведущем от Владимира к Мурому и Нижнему Новгороду, а район его нахождения территориально может определяться как низовья реки Клязьмы.

Другим источником, содержащим информацию, позволяющую определить местоположение интересующего нас населенного пункта, являются акты феодального землевладения суздальского Спасо-Ефимьевского монастыря, а точнее, комплекс документов, фиксирующих вклады недвижимости в монастырь в низовьях Клязьмы. Наиболее интересна «Духовная Данилы, в монашестве Давыда, Климентьева», датируемая издателями актов приблизительно

1424 годом. Из документа следует, что монах Давыд после раздела своей вотчины с братьями сделал вклады на помин души своих родителей и себя в нижегородский Вознесенский Печерский монастырь и в сузdalский Спасо-Ефимьевский монастырь. В последний он дал «*заводъ под Мещерским*», местоположение которой конкретизируется при упоминании о разделе вотчины: «*А отвод взял есь заводъ под Мещерским повыше – Кобыляка, противу Ореховца на горной стороне*» [3, с. 467].

В рассматриваемой духовной грамоте присутствуют несколько географических ориентиров, позволяющих примерно определить местоположение пожалованного водного объекта. Загадочный Кобыляка оказался островом, находившимся, по всей видимости, на р. Оке, что следует из данной грамоты Окулы Васильевича (Кажина) архимандриту Спаса-Ефимьева монастыря Марку [3, с. 468, 472]. Другой ориентир – Ореховец, без сомнения, являлся населенным пунктом, тип которого на основе информации из данного документа однозначно определить нельзя, а вот о его местонахождении кое-что сказать можно. Выражение «на горной стороне» достаточно часто использовалось в актах и документах писцового делопроизводства применительно к землям, расположенным на правом высоком, или, как сказали бы гидрологи, коренном берегу рек Оки и Волги [4, стб. 181, 290]. Вблизи Гороховца в районе устья Клязьмы такие особенности рельеф местности имел только в долине реки Оки. Поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что Ореховец находился на правом берегу Оки. Сложнее объяснить еще одно краткое указание, что заводъ находилась «*под Мещерским*». Здесь можно вспомнить Мещерскую волость, расположение которой исследователи определяют по-разному. В.А. Кучкин обозначал ее на правом берегу Оки напротив впадения Клязьмы, а В.П. Чеченков пришел к выводу, что ее основные земли в начале XV века граничили с гороховецкими и располагались на левом берегу Клязьмы. Впрочем, последний допускал возможность ее распространения также на правый берег Оки [5, с. 224; 6, с. 30]. Однако словесная форма «*под Мещерским*» не позволяет предположить, что в данном случае имелась в виду именно волость. Маловероятно также обозначение рассматриваемым ориентиром населенного пункта. Представляется, что с большим основанием его можно соотнести с Мещерской заводью, известной по актам XVI века, в настоящее время так именуется озеро вблизи города Горбатова [6, с. 30]. Здесь уместно сделать важную оговорку – определить достоверно месторасположение ориентиров и объектов средневекового периода очень и очень сложно, если вообще возможно. Дело не только в скучности исторической информации, но и в кардинальном изменении рельефа. За века реки не раз меняли свое русло, что влекло за собой и изменение приречной территории, чему есть косвенное подтверждение в документах. Уже упомянутый Кобыляка в 1427-1433 гг. определяется как остров, а в 1449-1450 гг. уже просто как песок [3, с. 468, 472]. Водные объекты на берегах Оки также со време-

нем могли менять свои очертания и периодически существовать в виде заводей или, как отмечается в актах, «безисточных» озер. На основе этого предположим, что Мещерским в духовной Данилы Климентьева названо поименное озеро, видимо, достаточно большое, на правом берегу Оки, где-то в области впадения в нее Клязьмы. В то же время, нельзя исключать, что данное название было связано с каким-то другим объектом, например, с еще одним островом на Оке.

Соотнесение информации Ермолинской летописи и рассмотренного акта взаимоподтверждает изучаемые сведения. Одним из критериев их достоверности является совпадение в целом, увы, без детальной конкретизации, местоположения упоминаемого Ореховца. Этот населенный пункт находился недалеко от г. Гороховца в низовьях Клязьмы. На это указывает и уточняющая формулировка в летописном сообщении: «*въ Гороховце под Ореховцемъ*», обозначающая расположение Ореховца в Гороховецкой волости, что становится совершенно очевидным при сравнении летописных оборотов с определениями, используемыми в хронологически соотносимом актовом материале. Фраза в тарханной и несудимой жалованной грамоте: «*Что пустынка их в нашей вотчине в Гороховце святый Василий...*» [3, с. 471], совсем не свидетельствует о нахождении Васильевской монастырской пустыни, в церковном отношении подчиненной сузdalскому Спасо-Ефимьевскому монастырю, в г. Гороховце, а всего лишь о ее расположении на землях Гороховецкой волости. Похожий оборот встречаем и в данной грамоте, датируемой примерно 1427-1433 гг., «*на деревню Бежановскую и др., с угодьями в Мещерске, близ Гороховца*» [3, с. 469, 470], что означает принадлежность деревни Бежановской к Мещерской волости Нижегородского уезда. Полагаем, что этих примеров достаточно, хотя их можно продолжить. Изложенное выше позволяет отвергнуть объяснение упоминания Ореховца в Ермолинской летописи простой опиской.

Критические выводы применительно к изучаемому летописному сюжету достаточно давно были сформулированы В.А. Кучкиным, но попутно, в связи с разрешением других конкретно-исторических задач. Сопоставляя между собой летописные отрывки, повествующие о борьбе в 1445 г. великого князя Василия II Темного с ханом Улуг-Мухаммедом, исследователь пришел к следующим выводам: «*В Ермолинской летописи сокращен текст, близкий тексту Софийской II летописи, причем сокращен не вполне удачно. В отрывок о поражениях татар в Гороховце, под Гороховцем (в Ермолинской допущена описка: вместо “подъ Гороховцемъ”, как в Софийской II, читается “под Ореховцемъ”; но города с таким названием на востоке Русского государства в XV в. не было) и в Нижнем Новгороде попала фраза о смерти Александра, сына Ивана Константиновича, разорвавшая связное изложение*» [1, с. 37].

С такими выводами можно соглашаться лишь частично. Бессспорно, что в Ермолинской летописи приводится более краткий рассказ о событиях 1445 г., а вот другие из вышеприведенных выводов вызывают сомнения, поскольку являются итогом достаточно поверхностного сравнения, а не результатом текстологического анализа. В своих построениях В.А. Кучкин справедливо сближает Ермолинскую летопись с Софийской II, содержащей более развернутый рассказ о событиях 1445 г., но при этом молчаливо допускает тезис, что летописцы просто копировали предшествующие летописные своды, иногда сокращая их и ненароком при этом ошибаясь. Однако обширный состав источников указанных летописных сводов явно предполагает серьезную и осмысленную работу по их составлению и редактированию. Справедливости ради еще раз отметим, что фабула с Ореховцем В.А. Кучкиным рассматривалась мимоходом, анализ летописных отрывков имел целью опровержение выводов П.И. Мельникова о Старом и Меньшем Нижнем Новгороде. Кроме того, на заключения историка, безусловно, влияло отсутствие свидетельств об Ореховце в других летописях и в важнейшем источнике при изучении русских городов – «Списке русских городов дальних и ближних» [7, с. 83-137, 357-361].

Изучаемый сюжет Ермолинской летописи заслуживает гораздо большего внимания и доверия историков. К тому подводит даже беглое его сравнение с соответствующими рассказами других летописей:

- Ермолинская летопись: «*Царь прииде къ Мурому оть Новагорода оть Нижняго, и князь велики поиде противу ему къ Володимеру и посла на него воеводы, они же шедше и побиша татаръ подъ Муромомъ. Тогда же убиша Александра Иванова сына Костянтиновича въ Гороховце под Ореховцемъ, въ Новегороде Нижнемъ...»;*

- Московский свод 1479 г.: Василий II вместе с союзовыми князьями выступил из Москвы к Владимиру «*противу царя Махмута, пришелъ бо и сель в Новегороде Нижнем старом и оттуду поиде к Мурому. Князь же велики слыша в то, взя крещение в Володимери, поиде противу ему со всею братьино и со всеми людми къ Мурому. Царь же слышав то, возвратися з бегом к Новугороду. А передни полчи великого князя биша татар под Муромом и в Гороховце и во иных местех»* [2, т. XXV, с. 395];

- В Софийской II летописи: «*Тое же зимы князь великий Василей Васильевич поиде ратью съ своею братиесю на царя Махметя. Бѣ бо царь сей пришелъ къ Новугороду Нижнему и хоте ту зимовати, и по Крещении прииде къ Мурому, а князь велики поиде противу ихъ; они же слышавши побегоша от Мурома, а воеводы великого князя угониша ихъ и побита ихъ подъ Муромомъ, и у Гороховца, подъ Гороховцемъ, и въ Нижнемъ Новегородъ старомъ, а въ менишомъ затворишаася воеводы великого князя»* [2, т. VI, с. 170].

Как видим, в Ермолинской летописи нет утверждений о поражениях татар в Гороховце, под Гороховцем, а говорится лишь об их разгроме под Му-

ромом и никакого логического разрыва в изложении информации не заметно. Все это наводит на мысль, что в ней приводится хоть и краткий, но вполне оригинальный рассказ о борьбе с татарами в 1445 г.

В последние десятилетия Ермолинская летопись привлекает особое внимание ученых. Этот источник имеет признаки неофициального происхождения и не подвергался столь тщательному редактированию, как другие летописные своды. В части с 1428 по 1472 г. ее протографом является Кирилло-Белозерский свод начала 70-х гг. XV века. В летописи содержится ряд своеобразных и уникальных известий. Источниковеды полагают, что свод опирался на некий ростовский или сузdalско-ростовский материал, а также на новгородское летописание, включавшее известия, не сохранившиеся в других источниках [8, с. 179-200; 9, с. 42-43].

Изучив информацию, фиксирующую существование в первой половине XV века населенного пункта под названием Ореховец, и обнаружив основания для определения ее как достаточно достоверной, попробуем рассмотреть особенности его исторического бытования.

Как отмечалось, историко-географический контекст, в котором упоминается Ореховец, в духовной грамоте Данилы Климентьевы не позволяет без сомнений определить его как город. В то же время, семантическое значение употребленной в акте словесной формы указывает на ее преимущественную интерпретацию как города. Соотнесение этих сведений с летописным сообщением, как представляется, только усиливает резонность такого вывода. Конечно же, применительно к русским историческим реалиям XV века под городом нужно понимать укрепленный пункт, крепость, в случае с изучаемым Ореховцем правильнее, вероятнее всего, говорить – городок, т.е. небольшая крепость или даже крепостица. Косвенно на это указывает упоминание Ореховца после Гороховца, на пути из Владимира в Муром в связи с ведением боевых действий. А.М. Сахаров, изучая историю Гороховца, писал: «*Наличие укреплений в городе объясняет, почему здесь происходили сражения с татарами в 1445 г., когда они бежали от Мурома и были разбиты великокняжеской силой*» [10, с. 15]. Ожесточенность столкновений, похоже, была велика, что привело к гибели даже одного из русских воевод – «*Александра Иванова сына Костянтиновича въ Гороховце под Ореховцемъ*». Логично допустить, что отступавшие и преследуемые татары, ища спасения, пытались обороняться именно в укрепленных пунктах.

Гороховецкие земли, в которых источники фиксируют интересующий нас Ореховец, составляли в XIV-XV вв. самую западную волость сначала самостоятельного Нижегородского княжества, а затем одноименного уезда московского великого княжения. Эта территория была достаточно слабо заселена и освоена. Как отмечал В.А. Кучкин, «*Во всяком случае, в XV в. клязьминское левобережье было освоено не более, чем на 10 км от реки. Вероятно, на несколько большее расстояние было освоено правобережье нижней*

Клязьмы. Но в целом населенные гороховецкие земли в начале XIV в. тянулись, скорей всего, узкой лентой по берегам Клязьмы [5, с. 215-216]. При этом нужно иметь в виду, что происходившие в XV веке бурные события отнюдь не способствовали более масштабному развитию данной территории. С своеобразный «ленточный» характер освоения и заселения земель в долине Клязьмы во многом связан с тем, что по ней и вдоль ее берегов проходил стратегически важный путь из Владимира в Нижний Новгород и на Волгу. Это явственно следует из кратких летописных сообщений, а с гораздо большей полнотой фиксируется великокняжескими жалованными актами XVI века. Например, в грамоте 1547 г. царя Ивана Васильевича, предоставляющей льготы беспошлинного провоза митрополичьих запасов от Суры и от Нижнего Новгорода этот путь описан так: «...зиме на санех, а лете на телегах, или водным путем в лотках с набои, Волгою и Окою на Клязьму, а Клязьмо до Гороховца, и до Стародуба Ряполовского, и до Володимеря, и от Володимеря до Рогожу, и назад...» [11, ч. I, с. 209-210]. Речные и сухопутные пути связывали между собой различные районы и области формирующегося обширного Московского государства, без чего было невозможно осуществление нормальной административно-управленческой деятельности. Кроме того, издавна по этим транспортным артериям проходили и торговые пути. Торговля, с ее быстрым оборотом денежных средств, всегда была объектом повышенного внимания со стороны верховной власти, представители которой, взимая торговые пошлины, стремились наполнить государственную казну. Это также весьма наглядно иллюстрируется еще одной царской льготной жалованной грамотой 1599 г., обращенной к многочисленным административным чинам, находившимся на вышеуказанном пути по Оке и Клязье: «От Нижнево Новагорода и от Суры по городом наши наместники, и по волостем волостели, и их мытчики, и по городом же таможники, и по мытом мытчики, и по рекам мостовщики, и перевозчики, и все пошлиничи с тех саней, и с телег, и с лоток мыта, и тамги, и иных некоторых пошлин не емлют. А в котором городе учнут продавати какой товар ни буди, и с тех товаров тамгу и иные пошлины имати» [11, ч. III, с. 69].

Очевидно, что Ореховец, расположенный, как было определено выше, на правом берегу Оки в области впадения в нее Клязьмы, занимал стратегически важное положение на пути из Владимира в Нижний Новгород и далее на Волгу, или по другому направлению в Муром. Поэтому он, безусловно, пользовался вниманием «таможников», «мытчиков», «перевозчиков», «пошлиников». По давно утвердившемуся в историографии мнению, где-то в этом месте в XIII-XVII вв. существовал перевоз через Оку, вблизи которого позже возник город Горбатов [12, с. 40]. Данные обстоятельства также подводят к предположению существования Ореховца как укрепленной крепости. Это тем более вероятно, если учесть почти пограничный характер территории его расположения, к тому же слабозаселенной и освоенной в XV веке [см.: 13].

Между Гороховцом и Нижним Новгородом известен также город Бережец, упоминаемый в «Списке русских городов дальних и ближних», написанном в конце XIV – начале XV века [7, с. 96]. Этот город упоминается в летописях в рассказе о совместном походе 1364 г. на Нижний Новгород московских и суздальских войск, по причине междуусобных споров Нижегородских князей. Князь Дмитрий Константинович собрал в своей отчине в Суздале войско и вместе с московскими дружинами двинулся на своего брата князя Бориса, занимавшего в тот момент Нижний Новгород. Войска дошли до Бережца, где князь Борис Константинович встретил их с предложением мира [2, т. XVIII, с. 103; 14, с. 380]. Следовательно, Бережец находился где-то по дороге из Суздаля в Нижний Новгород, исходя из направления движения войск, вероятнее всего, на левом берегу Оки. Точное место расположения Бережца до сих пор не установлено. Несколько известно автору данной статьи, попытки отыскать следы городища предпринимались московскими и нижегородскими археологами, но пока безуспешно. Сложный характер пойменной местности и изменение ландшафта, связанное с переменой рекой своего русла, крайне затрудняют такие поиски. Но в отечественной историографии достаточно широко распространена версия, восходящая к мнению А.В. Экземплярского: «Бережен, – ныне село Бережны при устье Клязьмы» [15, с. 402]. Вслед за ним и другие исследователи предположительно отождествляли город Бережец с селом Березцы или Бережцы, находившемся на левом берегу Оки на полдороге между указанными городами, недалеко от современного города Горбатова, при впадении Клязьмы в Оку [5, с. 224; 7, с. 127-128].

Соотнесение сведений об Ореховце и о Бережце, хоть и не прибавляет ясности в вопросе о его местоположении, но не совсем бесполезно. В монастырских и княжеских актах XV века Бережец отразился исключительно как эпоним, т.е. место, наименование которого дало название дороге [3, с. 469, 470]. Проезжая дорога на него именовалась «пошлий», что означало стародавняя, старинная или исконная. Немного проясняет историю Ореховца в XV веке жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Спасо-Евфимьеву монастырю от 1462 г. В этой грамоте говорится: «Что ихъ ватага на Гороховци, монастырь Святый Василей, и волостели де мои ставятся межъ ихъ деревень монастырскихъ, а пошлий де стань покиня, также де и мытники нарядили мыть подъ монастыремъ, и язъ Князь Велики ихъ пожаловалъ: волостели мои Гороховские, и ихъ тивуни, и ихъ доводчики, межъ деревень монастырскихъ не ставятся, а ставятся на пошломъ стану на старомъ, также и мытники подъ монастыремъ мыта не наряжаютъ, а седять на мыть подъ городищомъ подъ Гороховскимъ, какъ седѣли прежде сего по старинъ. ...Да что де на тотъ монастырь проложили ездоки путь непошлий, а пошлую дорогу Бережецкую покиня, ино всяки ездоки тою непошлию дорогою на тотъ монастырь не ездять, ни ставятся въ томъ монастырь ни у монастырскихъ крестьянъ, ни корму, ни проводниковъ, ни подводъ не

смлють; а кто поедеть тою непошлою дорогою, и язъ Князь Велики тыхъ вель увертывати назадъ, а кто ся иметь силу пробивати, а тому быти отъ меня въ казни; а ездить пошлю дорогою Бережецкою» [16, с. 122].

Из этой грамоты видно, что к середине XV века произошло изменение социально-политической и экономической ситуации, поэтому торговые пути пошли мимо Гороховца, покинув старую «пошлюю» дорогу на Бережец. Начало процесса фиксирует грамота 1418 г., а продолжение – документ 1445–1446 гг. [16, с. 51–52; 3, с. 471]. Запрещение ездить «непошлой» дорогой через монастырь и приказание ездить всем «пошлюю дорогою Бережецкой» было не только фискальной мерой, но также было направлено на поддержание существовавших вблизи дороги селений. Без них освоение данной территории стало бы невозможным, что понимали не только современные историки, но и правители средневековья. Понятно, что такие решительные меры князя были стимулированы кризисной ситуацией в развитии Бережца. Это имело многообразные последствия, но вело и к тому, что проезжавшим через этот городок невозможно было получить ни корму, ни проводников, ни подвод, ни полноценного ночлега. В этих условиях и могло появиться на Клязьменско-Окском пути новое ответвление, а также контролировавший его военно-административный центр. Предполагать такое развитие событий позволяет хронология имеющихся сведений о Бережце и Ореховце. Первый упоминается только в связи с событиями XIV века и в «Списке русских городов», но в нем фиксируются и уже несуществующие города, а второй только XV века.

Подведем итог. Анализ сохранившихся в источниках упоминаний, в контексте временной историко-географической информации, позволяет говорить о существовании в XV веке на стратегическом Клязьменско-Окском пути неизвестного русского города под названием Ореховец. Возможно, появление Ореховца отражало начавшуюся глобальную перестройку внешне-политических и торговых отношений во всей Северо-Восточной Руси, вызванную кризисом и начавшимся в конце XIV – начале XV вв. распадом Золотой Орды, а также собиранием русских земель под рукой Москвы.

Изложенные в статье соображения и выводы не претендуют на абсолютную истинность, поскольку изучение обозначенной темы находится в самом начале.

Источники и литература

1. Кучкин В.А. О Нижних Новгородах – «старом» и «меньшом» // Хрестоматия по истории. Выпуск 2. Документы и материалы по проблемам русской колонизации Нижегородского Поволжья и основания Нижнего Новгорода. – Н. Новгород: НКИ, 2001.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VI. Софийские летописи. – СПб., 1853; Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. – М., 2001; Т. XVIII. Симеоновская летопись. – СПб., 1913; Т. XXIII. Ермолинская летопись. – СПб., 1910; Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. – М.; Л., 1949.

3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (АСВР). – М., 1952–1964. – Т. III.
4. Писцовая книга по Нижнему Новгороду, изданная Археографической комиссией. 1621–22 гг. // Русская историческая библиотека (РИБ) – Т. 17. – СПб., 1896.
5. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984.
6. Чеченков П.В. Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. – Н. Новгород, 2004.
7. Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // Русское летописание. – М., 1979.
8. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. – Л., 1976.
9. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI вв.). – Ч. 2. Л.-Я. – Л., 1989.
10. Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIII–XIV вв. – М., 1983.
11. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. (АФЗХ). – М., 1951. – Ч. I; М., 1961. – Ч. III.
12. Агафонов С.Л. Горький. Балахна. Макарьев. – М., 1987.
13. Грибов Н.Н. Сельская округа средневекового Мурома на правобережье р. Оки // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarch.ru/gribov2.htm>. (дата обращения: 21.11.2016).
14. Присёлков М.Д. Троицкая летопись. – М.; Л., 1950.
15. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. – СПб., 1891. – Т. II.
16. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссию. – Т. I. 1334–1598. – СПб., 1841.

УДК 908

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ АРЗАМАССКИМ УЕЗДОМ В XVI-XVII ВВ. THE PROBLEM OF PUBLIC ADMINISTRATION OF ARZAMAS DISTRICT IN THE XVI-XVII CENTURIES

*M.C. Суханов¹, A.N. Гарашенкова²
M.S. Sukhanov, A.N. Garaschenkova*

¹ Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания,
кандидат исторических наук, доцент;

² Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет,
студентка
607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: 7950341116@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется проблема организации системы государственного управления на многонациональной и многоконфессиональной территории на примере Арзамасского уезда в XVI–XVII вв. Конкретизируются ее основные